

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-268-283>

EDN: NOKRAI

Научная статья / Research article

Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы: пограничный режим и приграничные практики населения во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов

Наталья Николаевна Аблажей ^a, Альбина Советовна Жанбосинова ^b

^a Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

^b Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, Астана, Казахстан

✉ ablazhey@academ.org

Аннотация: Исследуется государственная политика СССР в области охраны пограничной зоны с Китаем на казахско-синьцзянском участке в 1920–1930-е гг. Цель исследования заключается в том, чтобы показать, как протекали миграционные процессы и экономические практики населения приграничья в условиях переход от контактной к барьерной границе. Источниковая база основана на нормативно-правовых актах, регулировавших пограничный режим, и ведомственном делопроизводстве ОГПУ по вопросам охраны границы. Показан феномен границы, во-первых, как линии государственного разграничения и военно-политического рубежа, во-вторых, как пограничной контактной территории со сложившимися экономическими и миграционными практиками. Сделан вывод о том, что даже в условиях ужесточения пограничного режима население приграничья сохранило экономическое взаимодействие, прибегая к нелегальным практикам с целью выживания и обхода государственных ограничений.

Ключевые слова: советско-китайское трансграничье, Казахстан, миграция, контрабанда, бандитизм

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта AP23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.»

Для цитирования: *Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С.* Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы: пограничный режим и приграничные практики населения во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 268–283. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-268-283> EDN: NOKRAI

Kazakh-Xinjiang Section of Soviet-Chinese Border in the Second Half of the 1920s – the First Half of the 1930s: Border and Passport Regimes, Illegal Migration, and Economic Practices of the Population

Natalia N. Ablazhey , Albina S. Zhanbossinova

^a Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

 ablazhey@academ.org

Abstract: The author in their article considers the USSR state policy in the field of protecting the border zone with China in the Kazakh-Xinjiang section of the border in the 1920–1930s. The purpose of the study is to show the migration processes and economic practices of the border territories population during the period of transition, from a period of frequent contact to the erection of a barrier on the border. The research is based on the legal acts regulating the border regime and the departmental records of the OGPU on border protection issues. The author shows the nature of the border during this period, firstly, it existed as a line of state demarcation and a military-political boundary, and secondly, it existed as a border contact territory, with established economic and migration practices. The author comes to the conclusion that even in the context of tightening the border regime, the population of the border territories maintained economic interaction, resorting to illegal practices in order to survive and circumvent government restrictions.

Keywords: Soviet-Chinese borderlands, Kazakhstan, migration, smuggling, and banditry

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Authors' contributions: Authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The article was prepared as part of the scientific project AP23485356 under a grant from the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan on the topic: “Passportization in Kazakhstan 1932–1940.”

For citation: Ablazhey, N.N., Zhanbossinova, A.S. “Kazakh-Xinjiang Section of Soviet-Chinese Border in the Second Half of the 1920s – the First Half of the 1930s: Border and Passport Regimes, Illegal Migration, and Economic Practices of the Population.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 268–283. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-268-283> EDN: NOKRAI

Введение

Актуальность. Проблема границ и приграничных территорий является производной не только от внешней политики и национальной безопасности государств, но и от их внутренней политики. Граница не только разделяет государства, но также воспроизводит особенности политического и экономического режима стран-соседей. Принято выделять барьерную и контактную функции границы, различные варианты их пересечения, что позволяет анализировать специфику жизни населения приграничных регионов. Статус и функции границы также могут часто меняться в разных направлениях и иметь свои временные этапы. Ключевой для анализа политической, экономической и социальной среды приграничья и существовавших ограничений для населения является статус пограничной территории. В 1920–1930-е гг. баланс соотношения барьерной и контактной функций границ СССР с сопредельными странами претерпел значительные изменения. Это сказалось как на межстрановом и региональном взаимодействии, так и на самом населении приграничья, где сложились

специфические экономические связи, а в ряде случаев были основания говорить об этнокультурной близости. Вследствие проводимой линии на ужесточение режима приграничной территории для местного населения произошел достаточно быстрый переход от контактного к разделительному и барьерному режиму границы.

Советско-китайская граница в тот период, как и сегодня, относилась к числу самых протяженных в мире, а территория Монголии разделяла ее на восточную и западную части. Западная часть представляла собой участок протяженностью около 2 тыс. км, где граничили Синьцзян и Казахская, Киргизская и Таджикская ССР. История этой части советской границы наглядно иллюстрирует не только характер межгосударственных и региональных связей, но и показывает стратегическое значение Синьцзяна как для СССР, так и Китая.

Степень изученности проблемы. К проблематике границы чаще всего обращаются специалисты в области современного приграничного взаимодействия, существенно меньше исследований по истории границы и приграничья. Тематика истории советской границы разрабатывалась преимущественно ведомственными историками, что обусловлено возможностью доступа к ведомственным архивам и интересом к истории пограничных и таможенных служб (О.Б. Мозохин¹, О.Ю. Репухова², В.А. Корняков³ и др.). Вопросы границы попадают в поле зрения гражданских историков, в первую очередь в контексте изучения советского влияния в Синьцзяне (В.В. Петров⁴, В.И. Бармин⁵, Е.Н. Наземцева, А. Камалов⁶ и др.), басмачества (В.И. Бармин⁷ и др.), русской эмиграции (Е.Н. Наземцева⁸ и др.), в т.ч. военной эмиграции (Е.Н. Наземцева⁹, А.В. Ганин¹⁰), этнической миграции (Н.Н. Аблажей¹¹, Е.Н. Наземцева¹²), среднеазиатской миграции (К.Н. Абдуллаев¹³), приграничной

¹ Мозохин О. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч пролетариата. М., 2004.

² Репухова О.Ю. Пограничный режим в Карелии в 1920–1930-е годы. Петрозаводск, 2017.

³ Корняков К.А. Контрабанда и борьба с ней. М., 2010. EDN: ZVCBCD

⁴ Петров В.И. Мятёжное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.

⁵ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.

⁶ Камалов А.К. Политическая история Синьцзяна в 1920–1930-е гг. // *Markazi Osiiyu Tarixi (History of Central Asia)*. 2024. № 3–4. С. 82–95.

⁷ Бармин В.А. Поиски советскими и партийными органами Туркестана форм и методов работы с коренным населением в условиях борьбы с басмачеством 1918–1924 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2023. Т. 22. № 1. С. 97–109. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-97-109> EDN: OPXATH

⁸ Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение российских эмигрантов в советско-китайских отношениях 1917–1949 годов. М., 2024.

⁹ Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010. EDN: QPQGFV; *Ее же*. Русское архитектурное наследие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая как проявление межэтнического и межкультурного взаимодействия в XIX–XXI вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2023. Т. 22. № 1. С. 72–84. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-72-84> EDN: KMJADS

¹⁰ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. EDN: QPENDT

¹¹ Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. EDN: VNDCCX

¹² Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н. Кирбеженцы и русские эмигранты в Западном Китае: пути решения беженского вопроса (по материалам НКВД РСФСР лета 1923 г.) // *Вестник Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева*. Серия: исторические науки, философия, религиоведение. 2020. № 4. С. 12–22. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-133-4-13-23> EDN: DJXJLG

¹³ Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.

торговли (Т.А. Шеметова¹⁴). В историографии есть единичные работы по истории советско-синьцзянской границы и пограничного режима (В.В. Терещенко¹⁵).

Цель исследования – показать, как изменения в пограничной политике повлияли на миграционные процессы и экономические практики населения в синьцзянском приграничье Казахской АССР.

Источниковая база. Для исследования привлекались законодательные и ведомственные нормативные акты, включающие декреты, решения и приказы разных уровней и ветвей власти, регулирующие приграничный и паспортный режимы; оперативное делопроизводство пограничных структур ОГПУ–НКВД; следственные дела о нарушениях границы. Данные группы документов позволяют реконструировать советскую пограничную политику в целом, в том числе на советско-китайском участке границы между Казахской автономией и Синьцзяном, как в плане охраны, так и регулирования приграничных взаимодействий, пресечения незаконной миграции и контрабанды.

Авторами использованы архивные материалы из фондов Политбюро ВКП (б) (Ф. 17) Российского государственного архива социально-политической истории; Казкрайкома ВКП (б) (Ф. 141) Архива Президента Республики Казахстан; приказов ОГПУ – НКВД СССР (Ф. 13) и Секретариата ОГПУ – НКВД (Ф. 9) Специального государственного архива МВД Республики Казахстан; документы Специального государственного архива Комитета национальной безопасности Республики Казахстан; архивно-следственные дела (Ф. 20) Специального государственного архива Департамента полиции города Алматы и Специального государственного архива Департамента полиции Восточно-Казахстанской области. Привлечены также тематические документальные издания по истории ОГПУ – НКВД и пограничных войск; документы, освещающие откочевки казахов в Синьцзян, а также периодическая печать.

Создание пограничных полос, формирование пограничного и паспортного режимов

Формирование пограничного режима молодого советского государства начинается с декрета СНК РСФСР от 28 мая 1918 г. об учреждении пограничной охраны, которым вводился особый режим в пограничных полосах, каковыми считались 4 и 7,5 км полосы вглубь от линии границы¹⁶. Правила пограничного режима впервые были разработаны в феврале 1921 г. и на их основе 10 июля 1921 г. ВЦИК РСФСР принял первое положение об охране границ¹⁷, регламентировавшее особый режим на данных территориях.

Декрет ВЦИК от 24 января 1922 г. о передвижении по территории страны вводил запрет на свободный въезд в населенные пункты в 7,5 км полосе¹⁸. 28 марта 1923 г. ГПУ СССР была разработана инструкция по охране границы пограничными войсками, вводившая дополнительные уровни пограничных полос (4; 7,5; 16 и 22 км), а также определившая полномочия пограничных органов, правила доступа и прожи-

¹⁴ Шеметова Т.А. Российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1922 гг. Барнаул, 2024.

¹⁵ Терещенко В.В. Краснознаменный Восточный пограничный округ (История создания и развития) // Армия и общество. 2014. № 1. С. 1–9. EDN: RWXNHR

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1918. № 44.

¹⁷ Пограничные войска СССР, 1918–1928. Сборник документов и материалов / Сост. Е.Д. Соловьев, А.И. Чугунов. М., 1978. С. 170–171.

¹⁸ Известия ВЦИК. 1922. 26 января. № 19.

вания. Правила пограничного режима были закреплены в «Положении об охране границ СССР», утвержденном ЦИК СССР 7 сентября 1923 г.¹⁹ Согласно постановлению ЦИК СССР от 24 марта 1924 г. ОГПУ дополнительно получило право на административную высылку, в том числе от государственной границы сроком на три года²⁰.

Введение в том или ином регионе пограничной зоны было прерогативой союзного правительства, ее статус регулировали соответствующие постановления, в которых оговаривалось как необходимость ограничения въезда и проживания в приграничной полосе, так и порядок выселения лиц, не имеющих права здесь находиться. Летом 1925 г. Президиум ЦИК СССР передал вопросы въезда и выезда из страны, в том числе для населения приграничных территорий, в ведение республиканских наркоматов внутренних дел. По инициативе ГПУ летом 1925 г. были пересмотрены разграничительные линии пограничной полосы. Также вводились правила передвижения для местного населения в 4-х м и 500-х м пограничной полосе. Эти изменения 15 июня 1927 г. утвердили ЦИК и СНК СССР в постановлении «Об охране государственной границы Союза ССР»²¹. Согласно этому документу органы госбезопасности получили полномочия на недопуск в пограничную полосу посторонних лиц и введение ограничений на передвижение для местного населения. Въезд населения в 7,5 и 22 км зоны стал возможен только с разрешения органов госбезопасности. Правила въезда регламентировались ведомственной инструкцией от 28 июня 1927 г. 20 декабря того же года ВЦИК РСФСР ввел запрет на хозяйственную деятельность в пределах 4 м и 500 м полосы и изъял эти земли под государственные нужды для расположения пограничных застав. Приказом ОГПУ СССР по Главному Управлению Пограничной Охраны и Войск ОГПУ от 15 марта 1929 г. был обнародован список населенных пунктов, вошедших в 7,5 км пограничную полосу, несанкционированный въезд в которые был запрещен²².

Пограничный режим предусматривал ограничения на проживание, передвижение и хозяйственную деятельность на данных территориях. Уже в 1921 г. декрет СНК РСФСР вводил уголовную ответственность за незаконное пересечение границы, предусматривавшее лишение свободы на срок до 5 лет, однако УК РСФСР 1922 г. существенно смягчил тяжесть наказания, установив за данное преступление шесть месяцев принудительных работ или штраф, а с 1923 г. – лишение свободы сроком до шести месяцев. Статья 84 нового (1926 г.) УК РСФСР предусматривала за нелегальный переход границы уголовную ответственность и конфискацию имущества. Ограничения на въезд иностранцев в погранзону ввели с ноября 1924 г.²³ Впоследствии запрет распространили на лиц, не имеющих гражданства и даже советских граждан, в прошлом имевших иностранное подданство.

17 ноября 1927 г. своим постановлением Совнарком РСФСР утвердил регламент наложения административных взысканий и порядок их реализации. За нарушение вводилась административная ответственность по статье 192 УК РСФСР, постановления об административных штрафах или принудительных работах выносились административными отделами Советов. В 1927–1928 гг. в ряде приграничных регионов местные исполкомы получили также право проведения админи-

¹⁹ СУ РСФСР. 1922. № 11.

²⁰ Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: Справочник / авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 179–181.

²¹ Специальный государственный архив Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее – СГА МВД РК). Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

²² Там же. Л. 8–9.

²³ Репухова О.Ю. Пограничный режим... С. 48.

стративных высылков контрабандистов, прежде подобные права были предоставлены ОГПУ. На рубеже 1920–1930-х гг. ОГПУ вновь получила право проводить «чистки» от социально-вредных и политически-опасных элементов в приграничной местности. Первой общесоюзной акцией по выселению стала кампания осени 1932 г., по результатам которой часть населения была отселена из приграничных полос. В 1935 г. провели аналогичное отселение из 22-км зоны²⁴. Массовые репрессии и депортации с южных, западных и северо-западных границ вглубь СССР были проведены во второй половине 1930-х гг. Высланные из приграничья теряли право на проживание на данной территории.

В 1932 г. в СССР была начата частичная паспортизация населения. Пограничные районы получили режимный статус, и их ускоренная паспортизация прошла в 1933 г.²⁵ Выдача паспортов, их обмен, процедура прописки стали дополнительным фактором ужесточения режима въезда и проживания²⁶. На западной границе СССР паспортный режим ввели в 100-км зоне, на других границах зона приграничья была определена сначала в 22 км, а потом в 50 км. За нарушение правил проживания и регистрации в погранполосе полагался лагерный срок, увеличенный до трех лет. Также вводился запрет на въезд в режимную зону всех осужденных по политическим статьям²⁷. В отношении контрабандистов и нарушителей границы решения первоначально выносило в основном Особое совещание при НКВД СССР, а также областные суды. Военные трибуналы погранохраны, войск ОГПУ и милиции, учрежденные решением от 25 апреля 1932 г. и подотчетные Военной Коллегии Верховного суда СССР, рассматривали дела военнослужащих. Массовые репрессии по паспортным основаниям стали возможны благодаря деятельности внесудебных инстанций. Так называемые милицеские тройки, функционировавшие в 1935–1938 гг., имели право приговаривать нарушителей паспортного режима к заключению сроком до пяти лет. Паспортизация стала важнейшим фактором формирования системы учетно-надзорного контроля, призванного регулировать территориальную мобильность населения в целом, а также осуществлять надзор за группами, дискриминируемыми по паспортным основаниям.

Казакско-Синьцзянский участок границы и его охрана. Казакстанское приграничье

Казахстан и Синьцзян были сопредельными территориями. Киргизская (Казахская) Советская Автономная Социалистическая Республика (КАССР) была образована в августе 1920 г. как составная часть РСФСР. Казахстан и Киргизию разделили в 1924–1925 гг. В октябре 1924 г. была образована Кара-Киргизская автономная область, в июне 1925 г. переименованная в Казакскую АССР. В феврале 1936 г. автономия получила новое название – Казахская АССР, в конце декабря того же года ставшая советской социалистической республикой – Казахской ССР. Что касается Синьцзяна, то после образования в 1911 г. Китайской Республики он остался в статусе провинции, хотя фактически функционировал как автономный регион под управлением местных милитаристов, действовавших де-факто независимо от центрального

²⁴ Репухова О.Ю. Пограничный режим... С. 52, 62.

²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 65–66.

²⁶ Там же. Оп. 166. Д. 576. Л. 11–14.

²⁷ СЗ СССР. 1935. № 45. Ст. 377.

правительства. Регион был ареной межнационального противостояния, сопровождавшегося массовым повстанчеством, военными переворотами, провозглашением исламской республики и прямым вмешательством внешних сил²⁸.

До революции ключевую роль в охране границы на участке от оз. Иссык-Куль до Алтая играли формирования Семиреченского и Сибирского казачьих войск. С 1920 г. синьцзяно-советский участок границы находился в ведении Туркестанской пограничной дивизии. На территории собственно Казакской АССР погранохрана была сформирована на основе частей Семипалатинского губернского пограничного отряда ГПУ, находившегося в подчинении Сибирского пограничного округа ГПУ и отвечавшего, в первую очередь, за охрану границы с Монголией. В Зайсане дислоцировались пограничные рота и эскадрон, который в феврале 1924 г. перешел в подчинение ГПУ Киргизской (Казакской) АССР и стал позднее именоваться Зайсанским пограничным отрядом. В апреле 1924 г. на основе двух кавалерийских эскадронов Красной Армии и погранчастей был сформирован Джетысуйский (Алма-Атинский) погранотряд Туркестанской АССР²⁹. В 1925 г. в связи с созданием Казакской АССР были образованы части погранохраны (ЧПО) Казакского пограничного округа Полномочного представительства ОГПУ КАССР. В 1929 г. управление ими было перенесено из Кызылорды в Алма-Ату, которая стала столицей автономии. В 1932 г. создается Военный трибунал Погранохраны и войск ОГПУ Казакской АССР, а в 1939 г. Управление пограничных и внутренних войск Казахской ССР было переименовано в Управление пограничных войск Казахской ССР³⁰.

Структура погранохраны была представлена пограничными округами, состоявшими из пограничных отрядов, комендатур и застав. Особую роль выполняли маневренные группы при пограничных отрядах, предназначенные для усиления охраны границы: пресечения нарушений режима и борьбы с бандитизмом и контрабандой. Формирование отрядов, комендатур и застав на синьцзянском участке советско-китайской границы прошло в несколько этапов, их количество постоянно увеличивалось. Так, в 1927 г. в подчинении созданной из Зайсанского погранотряда отдельной Бахтинской комендатуры было четыре заставы, в 1930 г. – восемь, а в 1932 г. – уже 14 застав. В зоне ответственности этой комендатуры находилось 526 км государственной границы. На середину 1930-х гг. личный состав пограничников насчитывал почти 3,4 тыс. чел., а к концу 1930-х гг. превысил 5,6 тыс. чел. В ведении пограничного округа Казакской АССР оказалось 1636 км границы от г. Хантегри до Алтая, то есть в его зоне ответственности находились территории современных Казахстана и Киргизии. В 1934–1935 гг. в составе пограничного округа Казакской АССР появилось два авиаотряда, а затем и авиационная эскадрилья. Имелись также 30-й Бахтинский, 49-й Джаркентский/Панфиловский и 50-й Зайсанский пограничные отряды и 10-я Чингистайская, 11-я Лепсинская и 12-я Сарыжакская пограничные комендатуры.

Согласно перечню пограничных населенных пунктов СССР 1927 г. в 7,5 км зоне на территории Казакской АССР таковыми считались: в Джетысуйской губернии (бывшей Семиреченской): село Нарынколь, урочище Дарарты, села Сумбе и Будуты-Хассан, выселок Будуты, села Кольджат и Хоргос, поселок Баскунчи, горы Арсалы,

²⁸ Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Серия: Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. М., 2016. Т. 46. С. 232–240. EDN: XSDWXP

²⁹ В рамках административно-территориального деления Алма-Ата с 1924 по 1928 гг. выполняла функции административного центра Алма-Атинского уезда и Джетысуйской губернии, в состав которой входил Алма-Атинский уезд.

³⁰ Терещенко В.В. Краснознаменный Восточный пограничный округ (История создания и развития) // Армия и общество. 2014. № 1. С. 1–3. EDN: RWXNHR

Чекерт и Айты; по Семипалатинской губернии: укрепление Бахты, хутор Мурза-Артык, поселки Май-Капчагай, Тюю-Куйрюк, Нижний Ашала, аул Дандыбаева, поселки Алексеевка, Николаевка, Александровка, Матвеевка³¹. Территория советско-китайского приграничья была заселенной. Крупными поселениями в зоне приграничья были гг. Джаркент (1926 г. – 11,1 тыс. чел.; 1939 г. – 11,3 тыс. чел.) и Лепсинск (1924 г. – 7,4 тыс. чел.), р.п. Зайсан (1926 г. – 8,2 тыс. чел.; 1939 г. 8,5 тыс. чел.) и н.п. Бахты. Полных данных о численности населения приграничья нет, и его достаточно сложно установить в связи с неоднократным административным районированием. По данным переписи 1939 г., в Зайсанском районе проживало почти 43,5 тыс. чел., в том числе 22 тыс. казахов³².

По регламенту 1927 г. право беспрепятственного въезда в приграничные населенные пункты имели члены союзного и республиканского правительств, коллегий наркоматов, прокуроры и следователи республиканского уровня. Среди ответственных лиц регионального и местного уровня право беспрепятственного въезда предоставлялось председателям губернских, окружных, областных, районных и волостных Советов, начальникам административных отделов Советов, оперативному составу органов милиции и уголовного розыска. Запрет на пребывание в приграничной зоне не распространялся на постоянно проживающее население, а также на лиц, служащих здесь. Разрешения на въезд выдавала пограничная охрана, а в местах, где таковой не было, их получали через губернские и окружные отделы ОГПУ. В запретной пограничной полосе разрешение на проживание выдавали административные отделы исполкомов советов или управления милиции, подконтрольные полномочному представителю ОГПУ. По прибытию в запретную пограничную полосу требовалась регистрация в ближайшем органе Погранохраны ОГПУ (Управлении, комендатуре или заставе). Вводились удостоверения, дававшие право на посещение запретной пограничной полосы с указанием цели поездки, которые визировались в местных органах ОГПУ или пограничной охраны. Легальный переход границы был возможен через пропускные пункты, которых насчитывалось только три. Для приграничного населения в середине 1920-х гг. были введены ограничения на хозяйственную деятельность и на доступ в 500-й полосе, в 1927 г. доступ стал возможен только с санкции ОГПУ, а с 1935 г. вводится полный запрет на пребывание.

Приграничные центры Джаркент, Лепсинск, Зайсан и Бахты попали в первую волну паспортизации, которая началась в октябре 1933 г.³³ Обмен паспортов в приграничье закончили к 1935 г. Глубина запретной пограничной полосы составила 22 км. В 1940 г. секретными решениями СНК КАССР и СНК СССР к запретным были отнесены территории шести сельсоветов в Алма-Атинской, одного – в Семипалатинской и четырех – в Восточно-Казахстанской областях, а статус частично прилегающих к границе получили 20 сельсоветов в Алма-Атинской и один – в Семипалатинской областях³⁴.

Для казахско-синьцзянского приграничья в исследуемый период была характерна высокая мобильность населения, обусловленная наличием на сопредельных территориях переселенческих анклавов и этнических зон. Непосредственно вблизи

³¹ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12.

³² Население Казахстана по итогам Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 годов. В пяти томах. Т.2. Сборник архивных документов и материалов / сост. А.И. Кудайбергенова, Ж.М. Асылбекова, А.С. Уалтаева, Т.А. Апендиев, Ш.А. Салимгереева, Г.А. Омарова, К.М. Мурзаходжаев. – Алматы: ТОО «Литера-М», 2024. – 440 с. <https://iic.kz/wp-content/uploads/2026/05/Сборник-Апендиев-Т.pdf?ysclid=mq5i5vwwfd132590698>

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 79. Л. 42–43.

³⁴ Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 1. Л. 281–282.

границы, на территории Алтайского округа, существовало 11 русских поселений³⁵, а в середине 1930-х гг. русским были выделены участки под новые поселения в других районах Сынцзяна³⁶. Накануне Первой мировой войны численность русскоязычных аграрных переселенцев в регионе составляла более 12 тыс. чел.³⁷ Зоной компактного проживания и кочевков казахов были территории Илийского, Тарбагатайского и Алтайского округов Сынцзяна. Еще одним крупным районом расселения казахского населения был Баркуль (Барколь) в уезде Чженси. Значительный прирост численности казахов и кыргызов стал следствием Среднеазиатского восстания 1916 г. В частности, численность казахов только в Илийском округе достигла 150–160 тыс. чел.³⁸ В период широкомасштабных военных столкновений 1920–1921 гг. между белогвардейскими частями и Красной армией на территории провинции оказалось около 50 тыс. русских военных и беженцев³⁹. Амнистия и последующая репатриация из Сынцзяна как рядовых белоэмигрантов, так и этнических беженцев, инициированная советским правительством в первой половине 1920-х гг., способствовала значительному сокращению их численности. Однако на фоне голода начала 1930-х гг. численность беженцев из СССР в приграничных округах Сынцзяна вновь резко возросла, а возвратная миграция не превысила десятой части от численности эмигрировавших. На конец 1930-х гг. численность казахского населения провинции составляла приблизительно 350 тыс. чел.⁴⁰, русского – в пределах 15–20 тыс., что подтверждается более поздними данными⁴¹. При этом в 1931–1934 гг. часть казахских беженцев и русских эмигрантов были вовлечены в военное противостояние разных политических сил.

Приграничная миграция и преступность: точки пересечения

Проблема бандитизма традиционно рассматривается в контексте истории антисоветского сопротивления, которое для регионов Средней Азии ассоциируется, в первую очередь, с басмачеством и повстанчеством. Бандитизм на границе или «пограничный бандитизм» характеризовался ОГПУ – НКВД исключительно как политическое явление. Согласно советскому законодательству, в том числе УК РСФСР, бандитизм относился к организованной форме преступности: к контрреволюционным преступлениям (статья 58) и преступлениям против порядка управления, т.е. к государственным преступлениям (статья 76). Разграничение политического и уголовного бандитизма было весьма условным. В пограничной с Сынцзяном погранполосе в ка-

³⁵ *Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н.* Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 67–86. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-4-6> EDN: NNEENJ

³⁶ *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Сынцзяне... С. 177.

³⁷ *Наземцева Е.Н.* Численность русских подданных в Сынцзяне накануне Первой мировой войны: источники и проблемы определения // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы VIII Международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур» и круглого стола с международным участием «Страны Центральной Азии в системе региональных и международных отношений в XIX–XXI вв.» / под науч. ред. В. А. Бармина. Барнаул, 2024. С. 365–366.

³⁸ *Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н.* Кирбеженцы и русские эмигранты... С. 13–20; Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века). Т. 5. С. 258, 342.

³⁹ *Бармин В.А.* Советский Союз и Сынцзян... С. 42.

⁴⁰ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 41.

⁴¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 47. EDN: QOPFJP

честве проявлений бандитизма рассматривалось, в первую очередь, вооруженное скотокрадство и контрабанда, вооруженная поддержка из-за рубежа коллективного и индивидуального перехода границы. Вопросы борьбы с бандитизмом на территории автономии были в поле зрения как ОГПУ КАССР, так и партийного руководства. Только в 1934 г. УНКВД КАССР рапортовало о том, что с массовым бандитизмом в республике покончено. Когда в 1936 г. в СССР прошла первая волна награждений сотрудников пограничных служб и формирований погранохраны, в числе первых был назван Бахтинский пограничный отряд, награжденный в феврале 1936 г. орденом Красного Знамени указом ЦИК СССР.

Уже с лета 1927 г. пограничники отмечали рост коллективных откочетов казахов в Китай. При этом указывалось, что китайская сторона благоволит не только пегребежчикам, но и белоэмигрантам и басмачам, и не предпринимает никаких мер несмотря на протесты советской стороны⁴².

Экстренные меры по охране границы и ведению просоветской пропаганды среди населения приграничья были приняты в сентябре 1928 г., в период кампании по конфискации и выселению из республики 1027 байских хозяйств с целью предотвращения угона скота и откочевки в Синьцзян. Но еще летом 1927 г. в зоне ответственности 49-го погранотряда состоялся переход в урочище Уш-Булак казахского аула. В подготовке этого перехода, как показало следствие, «участвовала семья одного из секретарей Зайсанской избирательной комиссии: была установлена связь с китайским волостным управителем одного из уккурдаиств (казахских волостей) и родственниками, проживавшими на территории китайского Алтая, которые собрали группу в 50 вооруженных людей и зашли на советскую территорию»⁴³.

В ходе откочевки был обстрелян пограничный разъезд и при содействии вооруженных казахов переход состоялся. Помощь в перекочевке оказали около 400 чел., большая часть из которых были вооружены⁴⁴.

В одной из сводок ОГПУ за 1927 г. отмечалось, что на территории КАССР действуют 23 «бандитских шайки» численностью порядка 670 чел., в том числе 9 заграничных⁴⁵. Об интенсивности нарушений говорят, например, следующие оперсводки за август 1927 г.:

18 августа с/г заставой № 9 49-го погранотряда (49-й Панфиловский (Джаркентский) отряд) в села Сарконо (Сарканд) задержаны и выдворены в Китай 12 человек, нарушителей границ, в ходе преследования четверо китайских граждан бежали, из которых один убит и трое скрылись;

24 августа две засады п/заставы № 1 49-го погранотряда в местности Сантос, в 4 км юго-восточнее села Нарынкол, имели перестрелку с вооруженными контрабандистами в числе 6-ти человек, поддержанными, по агентурным сведениям, китайскими солдатами⁴⁶.

Очередная волна роста числа проявлений политического бандитизма приходится на 1928–1932 гг., что связано с сопротивлением радикальным социалистическим преобразованиям. Число откочетов за границу выросло на рубеже 1920–1930-х гг. на фоне роста налогообложения, конфискации и коллективизации. Массовое беженство

⁴² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 925. Л. 1–6.

⁴³ Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (далее – СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 905. Л. 110.

⁴⁴ Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее – СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 76.

⁴⁵ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 119, 135.

⁴⁶ Там же. Л. 75.

казахов в Сынцзыан стало одной из форм сопротивления и, безусловно, свидетельствовало о наличии серьезных противоречий между властью и большей частью аграрного населения. Из доклада Управления пограничной охраны и войск ГПУ от 28 февраля 1930 г. полпреду ОГПУ по КАССР Даниловскому следовало, что в условиях радикализации политической линии, малой численности погранохраны, наличия неохранных участков границы и несвоевременного предоставления данных об откочевках были созданы условия для эмиграционного движения и обострения обстановки в пограничье. На рубеже 1920–1930-х гг. откочевки приобрели лавинообразный характер, уходило целыми аулами. Далее констатировалось, что в погранполосе Казакской АССР для прикрытия эмигрирующих в Китай казахов действуют вооруженные отряды, их также поддерживают китайские погранвласти, практикующие свободный пропуск через границу, снабжение оружием вооруженных групп и отвод земель для нелегалов. Авторы документа делали вывод о том, что имеет место резкий рост числа нарушений границы. Значительная часть населения погранполосы, имеющая родственников в Сынцзыане, ликвидирует свое имущество или забирает его с собой и эмигрирует. За 1930 г. задержаны: при переходе в СССР – 1093 чел.; при переходе из СССР – 2538 чел., убиты – 734 нарушителя и 24 пограничника⁴⁷.

Согласно справке секретно-политического отдела (СПО) ПП ОГПУ Казакской АССР, поданной в начале весны 1934 г. на имя И.В. Сталина, с территории автономии на сопредельные регионы Сибири, Поволжья и Средней Азии, а также в Китай шло мощное откочевочное движение. Указывалось, что только за 1930–1933 гг. из республики откочевало свыше 400 тыс. человек, в том числе 286 тыс. хозяйств. Количество откочевавших в Западный Китай оценивалось не менее чем в 40 тыс. хозяйств⁴⁸. Республиканские власти склонны были оценивать количество эмигрировавших в Китай и Монголию гораздо более масштабной цифрой в 83 тыс. хозяйств⁴⁹. Из материалов следственных дел следует, что откочевки согласовывались на собрании старейшин аула: решались вопросы даты, маршрута движения, согласования помощи со стороны вооруженных групп сопровождения. Также практиковался перегон через границу скота с целью не допустить его конфискации.

Согласно оперсводке 50-го погранотряда от 13 марта 1931 г.:

при попытке перехода границы было задержано около 50-ти хозяйств шестого и седьмого аулсоветов Зайсанского района. Имеющиеся следственные материалы раскрывают процесс подготовки: осуществить переход границы планировалось в ночь с 11 на 12 февраля 1931 г. На случай вооруженного столкновения с пограничниками с сопредельной территории был вызван вооруженный отряд для сопровождения. О переходе вооруженной группы на советскую территорию заранее стало известно пограничникам и в местности Чаган-Або была организована засада. Пограничники сумели предотвратить откочевку и провели задержание закордонного отряда⁵⁰.

В показаниях, задержанных на границе в 1931–1933 гг. много свидетельств о том, что это были жители приграничья, которые с началом раскулачивания ушли со скотом в горы, а потом и за границу. Многие присоединились впоследствии к вооруженным формированиям.

⁴⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5076. Л. 14–28.

⁴⁸ Совершенно секретно» Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов в 10 томах / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2017. Т. 10. Ч. 2. С. 268.

⁴⁹ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 84. Л. 6.

⁵⁰ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 905. Л. 110.

Об остроте противостояния свидетельствуют также донесения из погранотрядов и районных уполномоченных в Особый отдел Полномочного представительства ОГПУ КАССР. Согласно одной из сводок весной 1932 г. имел место прорыв белоэмигрантской вооруженной группы в составе 200 чел. и захват заставы Матвеевка, пограничники которой были убиты. Отмечалось, что в районе границы находилось порядка 500–700 вооруженных белоэмигрантов под предводительством Пучкова⁵¹. В 1933 г. Чингистайская погранкомендатура провела аресты в поселке Урыль среди «бывших белогвардейцев» по делу так называемой Алтайской армии, которым в том числе инкриминировался захват погранзаставы Матвеевка⁵².

В октябре 1932 г. произошли столкновения пограничников с бандгруппой численностью около 50 чел., которая перешла границу в районе Кызыл-аул – Хабарасу и в течение месяца «орудовала» в приграничье. При этом на помощь ей вышла вооруженная группа перегонщиков скота из Аягузского района КАССР, который непосредственно не граничил с Синьцзяном. В состав вооруженного отряда входили казахи, откочевавшие из приграничья в 1930–1931 гг. Целью группы был угон за границу колхозного скота. Хотя пограничники знали о готовящемся переходе, но предотвратить его не смогли. Заслоны выставили на трех перевалах Тарбагайских гор и участках трех застав – Кызыл-Аул, Джиманчи и Чиганак. В вооруженных столкновениях наряду с пограничниками участвовали Аягузский, Урджарский и Кокпектинский отряды райотделов ОГПУ. В результате засады уничтожили главу отряда и одного взяли в плен, но остальным нарушителям удалось обойти заслоны в 25 верстах южнее Бахты⁵³ и уйти на сопредельную территорию.

Вовлечение населения в поддержание режима в пограничной полосе активно практиковалось для противодействия контрабанде. При этом приграничное население на протяжении 1920-х гг. было включено в приграничную торговлю. Официальная торговля регламентировалась договорами и ограничения существовали с обеих сторон, вследствие чего контрабанда, по мнению специалистов, превышала официальный товарооборот⁵⁴. Согласно директивам ГПУ за 1922 г., контрабандой считалась любое перемещение товаров и торговля в 21-верстной пограничной полосе. В 1924 г. решением ЦИК и СНК СССР были разрешены приграничная торговля и хранение иностранной валюты населением, проживающим в 50-км зоне⁵⁵. В конце 1920-х гг. около 90 % всех преступлений на границе квалифицировались как контрабанда⁵⁶. Борьбу с контрабандой советская власть начала в 1921 г.: СНК РСФСР принял сразу два декрета о борьбе с ней. С 1923 г. борьба с контрабандой была возложена на Отдел пограничной охраны ГПУ. С этого времени только это ведомство имело право на проведение обысков в 7,5 км пограничной полосе и изъятие контрабанды, в то время как таможенные органы могли только информировать ГПУ.

Контрабанда осуществлялась в условиях слабо развитой пограничной инфраструктуры. Таможенные управления располагались в Бахты и Зайсане, в то время как таможенные посты – непосредственно на границе: в Хоргосе, Хабарасу, Алкабек, урочище Кузеунь, Май-Капчагай и некоторых других местах. Основным видом торговли для местного населения был перегон скота, в первую очередь, лошадей и баранов.

⁵¹ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 905. Л. 31–44.

⁵² Специальный государственный архив Департамента полиции города Алматы (далее – СГА ДП г. Алматы). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3682.

⁵³ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 356. Л. 97.

⁵⁴ Шеметова Т.А. Российско-синьцзянские торгово-экономические... С. 241.

⁵⁵ Мозохин О. ВЧК – ОГПУ... С. 182–185.

⁵⁶ Там же. С. 202–203.

Из Китая традиционно везли чай, ткани. Спросом пользовались сырье, пушнина, мануфактура. Расчет шел золотом, серебром, сайговыми рогами. После денежной реформы начался вывоз советской валюты. Ликвидация частной торговли открыла новые возможности для приграничного населения, которое за счет нелегальной торговли обходило налоги и пошлины.

По УК РСФСР 1922 г. за контрабанду, согласно ст. 97, предусматривался крупный штраф, конфискация и принудительные работы на срок до трех месяцев. При квалифицированной контрабанде, совершенной при отягчающих обстоятельствах, кроме штрафа и конфискации, могла последовать и уголовная ответственность. Таможенный кодекс СССР, принятый в 1928 г., ввел расширенное понятие контрабанды (ст. 164) и квалифицированной контрабанды (ст. 166). При установлении факта квалифицированной контрабанды на виновных заводились дела по ст. 59-9 УК РСФСР (1926 г.). Тем не менее возможности избежать наказания по этой статье еще были. Так, например в отношении задержанного за контрабанду пушнины, рогов и валюты Масанова, проживавшего в одном из урочищ в зоне границы, следственное решение, возбужденное Отдельной Бахтинской комендатурой в апреле 1928 г., было пересмотрено в мае 1928 г. в виду того, что несколько жителей Эмильского аула Маканчинской волости Лепсинского уезда взяли подследственного на поруки под имущественный залог на 1200 руб.⁵⁷

До 1927 г. дела контрабандистов рассматривались только в судах, затем они оказались в основном в ведении внесудебных инстанций (Особого совещания при Коллегии ОГПУ). В 1929 г. в УК РСФСР было внесено изменение в ст. 59-9, которая стала частью ст. 24, а сама контрабанда – уже государственным преступлением. В пределах стокилометровой полосы для всех приграничных регионов Дальнего Востока, Сибири и азиатских республик, в том числе и Казакской АССР, к контрабанде приравнивалась скупка и хранение золота. В архивно-следственных делах контрабандистов есть упоминания о том, что советскими рублями могла оплачиваться помощь в переходе границы казахских семей. Незаконный переход проводника часто объяснялся «необходимостью приобретения китайских товаров с последующей его реализацией в ауле».

Так, в деле Макулбаева, задержанного в 1929 г. Бахтинской комендатурой, ему инкриминировали контрабанду по целому ряду статей Таможенного кодекса (164-а, 166-ж, 167, 168), но к ответственности привлекли только по ст. 166. Решением Особого совещания при НКВД СССР Макулбаева освободили, но лишили права проживания в пограничной полосе с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года⁵⁸. Как свидетельствуют следственные дела, в последующем за аналогичные преступления приговоры были ужесточены. Так, 18 июля 1935 г. в 500 м от границы была задержана группа казахов из шести человек, у которых обнаружили контрабанду на 216 руб. При допросе задержанные показали, что постоянно проживают в Синьцзяне в г. Чугучак прибыли на советскую территорию с целью приобретения в Бахтах промышленных товаров и их последующей перепродажи в Китае. Их дела были переданы в Алма-Атинский суд, который приговорил подсудимых к трем годам лишения свободы⁵⁹. 13 декабря 1935 г. сотрудники Бахтинского погранотряда в 4-х километрах от линии госграницы при попытке нелегального перехода в Китай задержали Калдыбаева, при котором «были обнаружены одна лисья шкура, 3 лисьих лапки и 19 руб. 28 копеек советской валюты».

⁵⁷ СГА ДП г. Алматы. Ф. 21. Оп. 2. Д. 1186. Л. 6. 20, 24–25.

⁵⁸ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11102. Л. 30–31, 45.

⁵⁹ СГА ДП г. Алматы. Ф. 21. Оп. 3. Д. 11171. Л. 5, 8, 37.

В процессе следствия установлено, что Б. Калдыбаев в ноябре 1935 г. «нелегально перешел из Китая в СССР с тремя кирпичами» чая, которые он затем реализовал на Урджарском рынке, а на вырученные деньги приобрел обнаруженные у него товары». Принимая во внимание, что задержанные товары предназначались к нелегальному вывозу за границу, чай, пушнину и советскую валюту признали контрабандой и конфисковали. Отягчающим обстоятельством стал то, что Калдыбаев, ранее проживавший в Урджарском районе Казакстана, на тот момент был уже жителем Чугучака и не имел советского паспорта⁶⁰.

Еще одним видом контрабанды стало возделывание на приграничной территории опиума и по крайней мере до конца 1920-х гг. выступал в качестве валюты. Опиум в регионе культивировали с 1860-х гг. Каждый год весной китайские купцы договаривались с населением приграничья о количестве посевов опиумного мака, а осенью увозили готовую продукцию в Китай. За это население российского приграничья получало свои дивиденды⁶¹. Опиум выращивали на сопредельной территории и сами китайцы.

Приведем несколько свидетельств из сводок за август 1927 г.:

15 августа дозором п/з №10 в местности Чулак (4 км севернее перевала Сельке) 4 уч. 3 ком. 49 ПО) в 10 км западнее долины Лонкол, обнаружено 4 дес. опийного мака, засеянного китайским гражданином. Опиное поле (плантация) уничтожена. <...> В августе месяце 1927 г. на урочище Тохты в 120 км от с. Гменовка, высланным отрядом 49-го погранотряда для уничтожения незаконно-засеянных китайско-подданными гражданами опийных плантация были обнаружены 16 китайских граждан. При задержании один был убит, трое задержано, остальные скрылись⁶².

Хотя приграничная контрабанда не была ликвидирована в начале 1930-х гг. на фоне монополии внешней торговли произошло резкое сокращение численности таможенных учреждений, а их функции кардинально изменились, сместившись с фискальных на оперативно-розыскные, что изменило взаимодействие таможни и спецслужб⁶³.

Заключение

Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. характеризовался высокой нестабильностью, несмотря на периферийный статус. Происходило последовательное ужесточение режима: создание запретных полос, ограничение доступа и хозяйственной деятельности, паспортизация населения, рост масштабов административной высылки. Обеспечение жесткого пограничного режима осложнялось значительной протяженностью и прозрачностью границы. На фоне коллективизации, раскулачивания и голода начала 1930-х гг. наблюдался массовый исход казахского населения в Синьцзян, ставший формой сопротивления политике советской власти. Несмотря на запреты, местное население активно участвовало в приграничной торговле и контрабанде, что было способом выживания и обхода государственных ограничений.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.11.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.02.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

⁶⁰ СГА ДП г. Алматы. Ф. 20. Оп. 3. Д. 11185. Л. 5, 8–9.

⁶¹ Шеметова Т.А. О влиянии опиумного вопроса на российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 108–110.

⁶² СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 86.

⁶³ Корняков К. Контрабанда и борьба с ней. М., 2010. С. 25–30. EDN: ZVCBCD

References

- Abdullaev, K.N. *Ot Sin'tsziania do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration in the 20th century]. Dushanbe: Irfon Publ., 2009 (in Russian).
- Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From East to East: Russian Emigration in China]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Ablazhey N.N. *Kazakhskii migratsionnyi maiatnik "Kazakhstan – Sin'tszian." Emigratsiia. Repatriatsiia. Integratsiia* [Kazakh migration pendulum "Kazakhstan – Xinjiang." Emigration. Repatriation. Integration]. Novosibirsk: [N.s.], 2015 (in Russian).
- Ablazhey, N.N., and Nazemtseva, E.N. "Russian Enclave in Chinese Altai in 1917: Results of Colonizationolonization of Russian-Chinese Borderland." *Historical Courier*, no. 4 (2020): 67–86 (in Russian), <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-4-6>
- Ablazhey, N.N., and Nazemtseva, E.N. "Kyrgyz refugees and Russian emigrants in Western China: ways of resolving the refugee question (based on the materials of the people's commissariat for foreign affairs of the Russian SFSR in the summer of 1923)." *Gumilyov Journal of History*, no. 4 (2020): 12–22 (in Russian), <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-133-4-13-23>
- Barmin, V.A. *Sovetskii Soiuz i Sin'tszian, 1918–1941 gg. (regional'nyi faktor vo vneshnei politike Sovetskogo Soiuz)* [The Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941 (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union)]. Barnaul: BGPU Publ., 1998 (in Russian).
- Barmin, V.A. "Searching for Forms and Methods of Acting on Indigenous Population by Turkestan Soviet and Communist Party Bodies in the Context of Fighting the Basmachi in 1918–1924." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 97–109 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-97-109>
- Barmin, V.A., Dmitriev, S.V., and Shmatov, V.G. "Sin'tszian: ocherk istorii regiona [Xinjiang: An Essay on the History of the Region]." In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. Seriya: Uchenye zapiski Otdela Kitaia IV RAN*, 232–240. Moscow: IFV RAN Publ., 2016 (in Russian).
- Ganin, A.V. *Ataman A.I. Dutov* [Ataman A.I. Dutov]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2006 (in Russian).
- Kamalov, A.K. "Political history of Xinjiang in the 1920s–1930s." *History of Central Asia*, no. 3–4 (2024): 82–95 (in Russian).
- Kokurin, A.I., and Petrov, N.V. *Lubyanka. Organy VCHK – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB. 1917–1991: Spravochnik* [Lubyanka. Bodies of the Cheka – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB. 1917–1991: Directory]. Moscow: MFD Publ., 2003 (in Russian).
- Kornyakov, K.A. *Kontrabanda i bor'ba s nei* [Smuggling and the Fight Against It]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskoi Tamozhennoi Akademii Publ., 2010 (in Russian).
- Kudaibergenova, A.I., Asylbekova, Zh.M., and Ualtaeva, A.S. *Naselenie Kazakhstana po Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1937 i 1939 gg. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov* [Population of Kazakhstan according to the All-Union Population Census of 1937 and 1939. Collection of archival documents and materials]. Almaty: Litera-M Publ., 2024 (in Russian).
- Mozokhin, O. *VCHK – OGPU. Karaiushchiy mekh proletariata* [VChK – OGPU. The Punishing Sword of the Proletariat]. Moscow: Iauza Publ.; Eksmo Publ., 2004 (in Russian).
- Nazemtseva, E.N. *Russkaia emigratsiia v Sin'tszyane (1920–1930-e gg.)* [Russian emigration in Xinjiang (1920–1930s)]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2010 (in Russian).
- Nazemtseva, E.N. "Russian Architectural Heritage in the Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China as Manifestation of Interethnic and Intercultural Interaction in the 19th – 21st Centuries." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 72–84 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-72-84>
- Nazemtseva, E.N. *Politiko-pravovoe polozenie rossiiskikh emigrantov v sovetsko-kitaiskikh otnosheniakh 1917–1949 godov* [The political and legal status of Russian emigrants in Soviet-Chinese relations in 1917–1949]. Moscow: IV RAN Publ., 2024 (in Russian).
- Nazemtseva, E.N. "Chislennost' russkikh poddannyykh v Sin'tszyane nakanune Pervoi mirovoi voyny: istochniki i problemy opredeleniia [The Number of Russian Subjects in Xinjiang on the Eve of World War I: Sources and Problems of Determination]." In *Rossiiia, Sibir' i Tsentral'naia Aziia: vzaimodeistvie narodov i kul'tur: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rossiiia, Sibir' i Tsentral'naia Aziia: vzaimodeistvie narodov i kul'tur» i kruglogo*

stola s mezhdunarodnym uchastiem "Strany Tsentral'noi Azii v sisteme regional'nykh i mezhdunarodnykh otnoshenii v XIX–XXI vv.," 365–366. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2024 (in Russian).

Petrov, V.I. *Miatezhnoe serdtse Azii: Sin'tsian: kratkaia istoriia narodnykh dvizhenii i vospominaniia* [The Rebellious Heart of Asia: Xinjiang: A Brief History of Popular Movements and Memories]. Moscow: Kraft+ Publ., 2003 (in Russian).

Repukhova, O.Yu. *Pogranichny rezhim v Karelii v 1920–1930-e gody* [Border regime in Karelia in the 1920s–1930s]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017 (in Russian).

Shemetova, T.A. "The influence of the opium problem on Russian-Xinjiang trade, economic and political relations in 1914–1920s." *Tomsk State University Journal*, no. 396 (2015): 108–110 (in Russian).

Shemetova, T.A. *Rossiisko-sin'tsianskie torgovo-ekonomicheskie i politicheskie otnosheniia v 1914–1922 gg.* [Russian-Xinjiang trade, economic and political relations in 1914–1922]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2024 (in Russian).

Soloviev, E.D. *Pogranichnye voiska SSSR, 1918–1928. Sbornik dokumentov i materialov* [Border Troops of the USSR, 1918–1928. Collection of documents and materials]. Moscow: Nauka Publ., 1978 (in Russian).

Tereshchenko, V.V. "Red Banner Eastern Border District (History of Creation and Development)." *Army and Society*, no. 1 (2014): 1–9 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Николаевна Аблажей, доктор исторических наук, заведующий сектором, ведущий научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории, Сибирское отделение Российской академии наук; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8; ablazhey@academ.org; <https://orcid.org/0000-0001-9636-5271>; SPIN-код: 9047-1786.

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Dr. Habil. Hist., Head of Sector, Leading Researcher of the Sector of History of Socio-Economic Development of the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia; ablazhey@academ.org; <https://orcid.org/0000-0001-9636-5271>; SPIN-code: 9047-1786.

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева; 010008, Республика Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2; sovetuk@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>; SPIN-код: 7530-7909.

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Dr. Habil. Hist., Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University; 2, Satpayeva Str., Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; sovetuk@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>; SPIN-code: 7530-7909.